

«ЖИЗНЬ МОЯ! ИЛЬ ТЫ ПРИСНИЛАСЬ МНЕ»

**ПОЛУЯНОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ
РЯДОВОЙ. ПУЛЕМЕТЧИК**

Родился в 1918 году

Осень сорок первого. Едем к фронту. Немец-то под Москвой. Туда нас и везли. Мы ехали в вагоне, где кони. Тут же овес, тюки соломы. Все в общих вагонах, а мы тут. Навстречу беженцы. Казалось, весь народ на Восток двинулся. Жуть им в глаза смотреть!

Боевого крещения ждать не пришлось. Впереди нас разбомбили эшелон. Наш поезд пошел задним ходом до ближайшего лесочка. А какие там на Западе леса да еще осенью. Остановились. Команда! «Разгружайсь!». Мостков для коней нет. Сколько они, бедные, ног переломали. Так тут и оставили обученных коней. У кого они сохранились, те в лес. А кони монгольские, плохо обученные. Да и нас-то

тоже надо было учить. У нас клинки, надо клинком работать в бою. А кое-кто в седле держаться не мог. Еще сумка с овсом с тобой. Но мы знали, куда попали, на подступы к Москве. Приказано стоять насмерть. Стоять не приходилось. Всюду следы боев, разбитые машины, танки, мотоциклы, трупы немецких солдат. Начались стычки, десанты по тылам, отступления и снова: «Впере-ед!».

Попали мы как пополнение в дивизию генерала Доватора, в 72-й кавалерийский полк. Слава о кавалеристах уже гремела. Дважды и мне пришлось увидеть генерала. Он приезжал на передовую. Первый раз на гнедом коне, второй раз на легковой, без кузова, машине. Речей не произносил. Мы попали в такую заваруху, что, наверно, было не до политработы. Все решал приказ и пример командиров и коммунистов. Московская область, Смоленская и Калужская здесь участвовали в боях я и мои земляки. Как-то спрашивает командир: «Есть пулеметчик?». Все молчат. Я говорю: «В кадровой служил». — «Я дам второго номера. Берите пулемет» Пулеметчик ответственная служба. (Да разве есть на войне какая не ответственная, будь это повар или почтальон).

Нужны выдержка и хладнокровие. Бывает, Бывает, у неопытного командира нервы не выдержат. Немцы еще далеко, а он командует: «Огонь!». У тебя всего одна лента и одна коробка запасная.

Пустишь в белый свет и не достанешь. Самообладание терять нельзя.

Бои шли беспрестанно. День — ночь—все смешалось. Я мало был на передовой: ранили, но воспоминаний на целую жизнь хватило. Только никому сильно не рассказывал.

Однажды катим-тащим через колоды свой пулемет. Вдруг автоматная очередь. Рядом блиндаж. Спрыгнули, а подносчик не успел: убили. Тут же тяжело ранило командира нашего эскадрона. Я к нему, а мина накрыла наш пулемет. Капитан Овчинников был ранен в ноги. Ползает, ползает, землю ногтями скребет. Бой не утихает. Подполз к командиру, взвалил я его на спину, прошу: «Товарищ командир, ты только мне руками помогай». Зима в тот год в Подмосковье была лютая, а я весь мокрый. Не знаю, сколько ползли, но вышли на санитаров Жив ли он, наш командир эскадрона? Однако, без ног остался. Больше я его не видел. От нашего взвода из 30 человек в тот день 13 осталось. А назавтра. 10 ноября, ранило меня».

Анна Ивановна: «Я ходила последние дни. Так тяжело на сердце почему-то было. Места себе не находила. 26-го ноября родился сын Иннокентий. И вдруг письмо из части: «Ваш сын и муж ранен». Мы в слезы. Свекор Александр Ксенофонтович нам: «Дуры вы, дуры! Что вы плачете? Ранен! Не убит же, живой. Значит, придет».

Иван Александрович смотрит на меня, но мысли его далеко-далеко. Помолчав, он продолжает: «Запястье начисто разнесло. Пуля была разрывная. Санитары наскоро перевязали: «Ну, солдатик, у тебя рука. Выберешься сам». Короче, добрался до медсанбата. Хотели отрезать руку— я не дал. Убежал. А тут новых раненых привезли. Кто будет меня догонять? Иногда ночью думаю: было все это или приснилось?»

Через Серпухов увезли нас в г Егорьевск Московской области. Первый раз помыли в бане. И почему помнятся такие мелочи? Вот выпил ли сегодня лекарство, куда положил очки, не помню, а давнее все помню Врачи, сестры, бедные! Когда они спали? Мы их, а они нас жалели. Меня пожилая сестра мыла: «Бедненький, бедненький»,- все приговаривала. Хлеба белого принесла, стакан молока и маслица. А утром глаза открыл, на столе яблоки. Я их до того не видел. И так семь дней. А на восьмой целый эшелон раненых на восток. Однажды ночью наши три вагона отцепили «Где мы?» — спрашиваем: «В Новосибирске». «А они куда?» - «В Улан-Удэ». Елки зеленые, это ж мой родной город! Когда ж я сына-то увижу. Домой ни одного письма не написал, некогда было. Но знал, что и ноябре должен родиться и обязательно сын. Маленько поправился, все на станцию ходил, встречал поезда. Может, думаю, встречу кого своих, из Бурятии. Рука моя тем временем в гипсе замкнула, срослась винтом, вся кривая. В новосибирском госпитале на ст. Анжерка (госпиталь эвакуирован из Харькова) хирург смотрел—смотре, г и говорит: «Ломать будем. На фронт, солдат, больше не попадешь». Усыпили, сломали и снова в гипс.

Домой вернулся на поправку, отправили в Малый Куналей обучать молодых. Потом, опять же по приказу военкомата, в Бичуру на строительство сахарного завода, эвакуированного с Украины .

В начале сорок пятого снова призвали, но уже в 91-й запасной стрелковый полк. Вернулся в сорок шестом. Нас с Буя в дивизию Доватора попало 5 человек. И хоть бы один невредимый. Были мы, правда, в разных эскадронах: Пательшин Федор Захарович. Жарников Семен, в ноги раненый, Полуянов Илларион Степанович ранен в руку. Друг мой Естифор Вениаминович Собенников заново учился ходить после госпиталей в Москве, Владимире и Ижевске. Не забудьте их всех упомянуть».

Этими словами провожал меня Иван Александрович Полуянов. Он не сказал, что за мужество в боях под Москвой, за спасение командира получил он медаль «За отвагу». Она нашла его дома в 1951 году.

...Я возвращалась от Полуяновых тихим осенним днем и думала: а он счастливый, Иван Александрович. Все успел за свою жизнь: наработаться вдоволь и Отчизне послужить, детей вырастить; в любви и согласии прожить со своей дорогой супругой. Сыновья и дочь Полуяновых, Узколугская администрация и Буйский совет ветеранов 6 лет назад, в день Советской Армии устроили для Ивана Александровича и Анны Ивановны чудный праздник—золотую свадьбу с цветами, слезами, речами.

Уважают скромного воина доваторца земляки, заботятся дети, восхищаются внуки. Это я видела по глазам двенадцатилетнего Димы, внука, приехавшего в тот день из Улан-Удэ. Пока дедушка куда-то отвернулся, он проворно достал из шифоньера дедушкин мундир с наградами, среди которых два ордена Отечественной войны и, чтобы я лучше рассмотрела их, надел его на себя.

Светлых и долгих дней вам, дорогие Анна Ивановна и Иван Александрович!

Нелли Коробенкова